

Л. Н. Толстой

**Дневники и записные
книжки (1909)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Дневники и записные книжки (1909) / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 454 с.

ISBN 978-5-4241-0736-8

ISBN 978-5-4241-0736-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Толстой предстает прежде всего как непреклонный и мужественный обличитель политических и экономических порядков самодержавной России. Разгул реакции, массовые казни вызывают у Толстого гневный протест, и в 1908 году он пишет памфлет «Не могу молчать!». По мнению Толстого, черносотенцы — это «люди невежественные, безнравственные и проявляющие не столько преданность царю, сколько под предлогом преданности ненависть ко всему просвещенному, свободному, разумному» (Зап. кн. № 1, стр. 244).

Оглубоком понимании насущных вопросов дня говорят созданные в 1909—1910 годах очерки «Три дня в деревне» и «Сон», в которых выражен протест писателя против частной собственности на землю. Вопрос о земле был одним из основных в революции 1905 года и не потерял своего значения и в последующие годы. В 1909 году Толстой писал: «Мне кажется, что вопрос о несправедливости земельного рабства и о необходимости освобождения от него стоит теперь на той же степени сознания его, на которой стоял вопрос крепостного права в 50-х годах: такое же сознательное возмущение народа, живо сознающего совершаемую над ним несправедливость, такое же сознание этой несправедливости в редких, лучших представителях богатых классов и такое же грубое, отчасти неумышленное, отчасти умышленное непонимание вопроса в правительстве».¹

В Дневнике и Записных книжках 1909 года много записей о замыслах обличительных произведений и подготовительных заметок к ним. «Хорошо бы написать о том, как наша жизнь, богатых классов, есть непрерывающееся воровство, грабеж»; «Хорошо бы описать наше устройство жизни, как оно есть, некоторых властвующих над многими посредством обмана мысли: религии, науки, внушения, опьянения, насилия, угроз» (Д, 7 и 12 марта); «Земля у господ. Тоже вопиющее рабство. Как бы хотелось написать то художественное, что начал, и все проникнуть этим» (Д, 10 июня) и т. п. Замыслы эти отчасти осуществлены в очерках «Три дня в деревне», статьях «Смертная казнь и христианство», «Неизбежный переворот» и др.

В произведениях последних лет жизни и своих эстетических требованиях этого времени Толстой со всей принципиальностью отстаивает требование реализма и народности искусства. Чрез-

¹ «Толстой и о Толстом. Новые материалы», вып. 1, М. 1924, стр. 53

вычайно высоко оценивает он реализм первого тома «Мертвых душ» и «Ревизора» (Д, 5 марта). Беспощадно критикует он декадентскую литературу, называя ее «домом сумасшедших» (Д, 19 октября), ибо она, как и буржуазная наука, служа господствующим классам, представляет собою «большей частью и пустые, и вредные упражнения праздной мысли».

Толстой требует от писателя следования правде жизни, упорной и напряженной работы над своими произведениями, и с точки зрения этих требований оценивает он творчество Андреева, Куприна и других писателей начала XX века.

Высоко ценил Толстой реалистический талант М. Горького и с особенным интересом относился к его творчеству. Сближала его с Горьким жгучая ненависть к русскому самодержавию и реакционным элементам общества.

Изучение Дневников и Записных книжек Толстого дает возможность глубже понять его неутомимое и бесстрашное стремление «дойти до корня» в поисках настоящей причины бедствий масс; вместе с тем Дневники и Записные книжки со всей очевидностью свидетельствуют о том, что писатель не мог найти действительных ответов на волновавшие его вопросы.

Близость и глубокая симпатия к народной жизни, вера в народ, в его высокие нравственные качества и правоту его требований все более и более приводили писателя к убеждению о необходимости работать только для народа. 20 марта он записал в Дневнике: «Все живее и живее чувствую потребность писать для *grand monde*, и только для него». То же 23 июня: «Пора понять, что если хочешь служить людям, то работай для *grand monde* — рабочего народа — и его имей перед собой, когда пишешь. Наш брат в огромном большинстве безнадежен. А те жаждут».

Но что же считает нужным Толстой в 1909 году писать для народа? Ответ дает запись от 19 декабря: «Надо писать для *grand monde* — народа. И наметил около десяти статей: 1) о пьянстве, 2) о ругани, 3) о семейных раздорах, 4) о дележах, 5) о корысти, 6) о правдивости, 7) о воле рукам, побоях, 8) о женщинах, уважении к ним, 9) о жалости к животным, 10) о городской чистой жизни, 11) о прощении». Моральное самосовершенствование — единственное, что намерен и может предложить Толстой в этих статьях, судя по названным темам, в качестве «нового рецепта спасения человечества».

Сила и слабость позиции Толстого с предельной яркостью раскрываются в написанных им в 1909 году произведениях, в частности в докладе, который писатель намерен был произнести на конгрессе мира в Стокгольме.

В условиях бешеной подготовки к империалистической войне писатель смело и неустанно обличает милитаризм. Прочитав в газете интервью с военным министром Франции о перелете французского летчика Блерио через Ламанш, Толстой выражает гневный протест по поводу того, что «первая мысль при известии о перелете Ламанша — как применить аэропланы к войне, к убийству» (Д, 20 июля). Он утверждает, что увеличение войск и гонка вооружений нужны лишь привилегированным классам, обрекающим на смерть тысячи людей ради защиты интересов собственников, что бесполезно в борьбе с войнами ждать помощи от буржуазных правительств, существование которых «обусловлено войсками», ¹ и что действительно бороться с милитаризмом способны лишь народы всего мира. Но самая «борьба» мыслилась Толстым только как пассивное сопротивление в форме отказа от военной службы. В своем докладе, подготовленном для Стокгольмского мирного конгресса, он предлагал обращаться к народам разных стран с разъяснением «истины» — евангельской отвлеченной заповеди: «не убий», а не с призывом активно бороться против агрессивных империалистических войн.

Непротивление злу насилием представлялось Толстому средством спасения от всех социальных зол. Исходя из юридических христианских заповедей: «не противься», «не суди», — Толстой рассуждает в Дневнике: «Не нужно обвинять никого, надо войти в положение людей и не судить их по положению (которое образовалось не ими, а по тысячам сложнейших причин), а по их доброте». Так возникает желание создать художественное произведение, в котором «можно всё высказать, облегчить себя, никого не осуждая» (Д, 21 октября), так созревает замысел повести, которой Толстой дал в высшей степени характерное заглавие — «Нет в мире виноватых».

Как показал в своих статьях о Толстом В. И. Ленин, кричащие противоречия во взглядах и творчестве Толстого объясняются тем, что в его произведениях «выразились и сила и

¹ Т. 38, стр. 120.

слабость, и мощь и ограниченность... крестьянского массового движения». ¹ «Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости». ²

Вместе с тем Ленин настойчиво подчеркивал, что противоречия во взглядах Толстого — отражение противоречивых условий «пореформенной, но дореволюционной эпохи». ³ Под натиском революционных событий 1905—1907 годов «крепостная, пребывавшая в медвежьей спячке, патриархальная, благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама». ⁴ В статье «К оценке русской революции» Ленин писал: «Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века» ⁵. Во время революции 1905 года «великорусский мужик начал... становиться демократом, начал свергать попа и помещика». ⁶ Революция потерпела поражение, за нею последовал временный спад революционного движения. Но она всколыхнула крестьянские массы, разбудила их к исторической деятельности.

Крестьянство освобождалось от патриархальных взглядов под воздействием самого хода экономического развития страны: рост капитализма и пролетаризация крестьянства с неизбежностью разрушали патриархальную феодальную идеологию. В 1908 году Ленин писал: «В самом крестьянстве рост обмена, господства рынка и власти денег все более вытесняет патриархальную старину и патриархальную толстовскую идеологию». ⁷

Исторические события со всей очевидностью свидетельствовали о том, что «1905-й г. был началом конца «восточной» неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого...» ⁸

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 294.

² Там же, т. 15, стр. 185.

³ Там же, т. 16, стр. 295.

⁴ Там же, т. 23, стр. 233.

⁵ Там же, т. 15, стр. 37.

⁶ Там же, т. 21, стр. 85.

⁷ Там же, т. 15, стр. 185.

⁸ Там же, т. 17, стр. 31.

Как же отразились эти знаменательные события на взглядах и творчестве Толстого?

Самыми разнообразными путями доходили до Толстого вести о волнениях в среде многомиллионного крестьянства. В Ясной Поляне бывали теперь крестьяне, для которых, по словам самого писателя, «недаром прошла революция». В Дневнике 1910 года Толстой записал: «Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг увидел несправедливость своего положения. Это — сказка о царе в новом платье. Ребенком, который сказал то, что есть, что царь голый, была революция». ¹

В очерке 1909 года «Бродячие люди» писатель сочувственно говорил о бездомных, лишенных земли и хлеба, нищенствующих, но протестующих против подневольного рабского труда на эксплуататоров бедняках. «Эти люди видят в богатых, — писал Толстой, — не как обыкновенные старинные нищие, людей, спасающих свою душу милостыней, а разбойников, грабителей, пьющих кровь рабочего народа; очень часто такого рода нищий сам не работает и всячески избегает работы, но во имя рабочего народа считает себя не только в праве, но обязанным ненавидеть грабителей народа, т. е. богатых, и ненавидит их всей силой своей нужды». ² «Армия Стеньки и Емельки все больше и больше разрастается», ³ — заключает Толстой.

Подъем революционных настроений в среде многомиллионного крестьянства, встававшего на борьбу с угнетателями, усиливал обличительный пафос творчества Толстого.

В своем Дневнике писатель с возмущением говорит о бедности, забитости угнетенного народа, с ненавистью и гневом пишет об эксплуататорах-землевладельцах, которые «не переставая, грабят тысячи людей» (Д, 19 июня).

Жестокая расправа с революционерами и еще большее закабаление народа приводят Толстого, вопреки его отрицанию всякого насилия, к выводу: «Мучительное чувство бедности, — не бедности, а унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров» (Д, 11 июня).

Толстому становится все более ясным, что «выбора нет людям нашего времени: или навверное гибнуть, продолжая настоящую жизнь, или сверху донизу изменить ее» (Д, 8 апреля). В своих

¹ Т. 58, стр. 24.

² Т. 38, стр. 8—9.

³ Там же, стр. 11.

художественных произведениях и публицистических статьях последних лет жизни Толстой выражает твердую уверенность, что долго существующий несправедливый, эксплуататорский строй продержаться уже не может.

Но как изменить старую и строить новую жизнь? Кто способен построить ее? Все мучительные попытки Толстого найти ответ оказались тщетными, так как писатель отрицал единственный верный путь — революционную борьбу рабочего народа за новую жизнь. Не понимая сущности революции 1905 года, Толстой надеялся, что последствием ее будет религиозно-нравственный, «духовный переворот»; отстраняясь от революции, он осуждал совершающиеся «ужасные насилия». Во время и после революции 1905 года — как и прежде, в 80-е и 90-е годы — Толстой отражал настроения патриархального крестьянства, которое, мечтая «создать на место полпцески-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян», «стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу...» Он отрицательно относился к той, по определению Ленина, «меньшей части крестьянства», которая «действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели», и в особенности к той «совсем небольшой части», которая «поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников». ¹

Толстой отрицал революционную борьбу, полагая, что все изменится само собой, лишь только люди уверуют в «закон любви» (Д, 14 февраля). Он «не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции», ² и потому превратно истолковывал побудительные мотивы деятельности революционеров (см. Зап. кн. № 1, 27 марта). Если же порою он и готов был основную причину самоотверженной и смелой деятельности революционеров правильно увидеть в невыносимо тяжелом положении народа, он безоговорочно отвергал предлагаемые ими насильственные, революционные средства избавления от зла существующего общественного устройства.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183—184.

² Там же, стр. 183.

В период, когда оправдание непротivления, пассивности, квиетизма ссылкой на «неподвижные восточные народы» становилось все более необоснованным, ибо начало XX века было ознаменовано целым рядом революций в странах Востока, Толстой вновь и вновь обращал свой взор к наиболее отсталым сторонам патриархальной идеологии, как единственному средству спасения от «безумия мира». Толстовская проповедь непротivления все более становилась выражением старой, отошедшей в прошлое патриархальной России, исторически играла все более реакционную роль.

Чтобы понять смысл и значение взглядов Толстого, его художественной и публицистической деятельности последних лет жизни, необходимо иметь в виду, что хотя в ходе революции «большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаича Толстого!»,¹ патриархальной идеологии и порожденной ею «толстовщине» революцией был нанесен смертельный удар. В процессе дальнейшего исторического развития круг крестьянства, находившегося во власти патриархальной идеологии, все более сужался. В 1910 году Ленин писал: «Отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника».²

Однако революционные события 1905—1907 годов не изменили существенно мировоззрения Толстого. Об этом со всей наглядностью свидетельствуют публикуемые в настоящем томе Дневники и Записные книжки писателя за 1909 год.

Беспощадно обличая эксплуататорский строй, частную земельную собственность, Толстой в эти годы, как и прежде, отрицает политическую революцию. Считая уничтожение частной собственности на землю безусловно необходимым, он отвергает насильственные средства борьбы с частной собственностью и в очерке «Сон» предлагает помещикам добровольно отказаться от владения землей. Так у Толстого «отрицание частной земельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям».³

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 184.

² Там же, т. 16, стр. 297.

³ Там же, стр. 295.

Страстно мечтая об улучшении материальных условий жизни трудового народа, Толстой в то же время считает, что главное, к чему должен стремиться человек, — забота о душе, что «вредно и тщетно это устраивание жизни не только других людей, но и самого себя — это... вторжение в дело божие» (Д, 20 января). Требование к эксплуататорам перестать мучить и грабить народ сочетается у него с убеждением, что если борьба и может быть, то только «духовная» (Д, 24 декабря), и потому он видит «бедственность теперь положения русского народа в одном: в ложном понимании людьми смысла жизни, в ложной вере» (Д, 14 июня).

Резкая критика самодержавного строя, утверждение, что «правители дурные, заблудшие люди и что поэтому повиноваться им так же вредно и стыдно, как повиноваться атаману разбойничьей шайки» (Д, 14 февраля), не приводят Толстого к выводу о необходимости свержения этих «правителей», и он укоряет рабочих, «не понимающих», что «цель не должна быть освобождение, а цель — достижение лучшей духовной жизни», ошибочно думая при этом, что в процессе достижения нравственно-религиозной, «общей» цели «попутно достигнется цель политическая, частная» (Д, 28 февраля). «Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него, — писал о Толстом В. И. Ленин, — в отрицание политики, приводила к учению о «непротавлении злу...»¹

Стремление «ясно показать греховность, жестокость, постыдность» жизни эксплуататоров закономерно рождает желание дать «расценку» людям, явлениям общественной жизни. 9 марта Толстой написал в Дневнике: «Надо в приемах жизни выражать свою расценку людей: сострадательное отвращение к П. Столыпиным и всяким Гершельманам и министрам, и уважение к мужику, и сострадательного уважения к рабочему босяку». В записи этой с предельной наглядностью отразилась сила и слабость позиции Толстого: сила — в отвращении к эксплуататорам и горячей любви и глубоком уважении к народу; слабость — в непоследовательности осуждения господ, осуждения, допускающего сострадание, жалость к ним как к «братьям во Христе». Вместе с тем Толстой не мог понять и оценить историческую роль пролетариата, вследствие чего взглядам писателя свойственно, наряду с уважением к тяжелой трудовой жизни про-

¹ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 16, стр. 295.

летария, «сострадание» к его «заблуждениям», неприятие пролетарской идеологии. А безоговорочное «уважение» к «мужику» вело к оправданию самых слабых сторон во взглядах и настроениях русского патриархального крестьянства.

Характерной чертой Толстого, выразителя идей и настроений патриархального крестьянства, является резкое неприятие им и в 1909 году, как и раньше, активной, революционной стороны творчества Горького, его призывов к борьбе, активному протесту. Не понимая, что изображенные М. Горьким новые люди, рожденные новой, предреволюционной и революционной Россией, явление типическое, Толстой видел в произведениях Горького «совершенно произвольную, ничем не оправдываемую психологию», «воображаемые и неестественные, огромные героические чувства и фальшь» (Д, 9—10 ноября). Уверенность Горького в классе пролетариев, от имени которого он выступал, Толстой принимал за «самоуверенность» (Д, 23 ноября); веру в человека, который с помощью науки перестроит мир, — за «рабское уважение перед наукой» (Д, 9—10 ноября).

Соглашаясь с Горьким в критике индивидуализма, Толстой вместе с тем «рассуждает отвлеченно, ...допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии...»¹ Индивидуализм он противопоставляет не «социализму, коммуне, народу», а «всему живущему, т. е. богу и всему человечеству» (Д, 26 апреля), и укоряет Горького за «отсутствие каких бы то ни было религиозных... убеждений» (Д, 23 ноября). С тех же религиозно-моралистических позиций критикует Толстой в Дневнике атеизм Белинского, оправдывая «христианство» Гоголя (Д, 5 и 7 марта).

С гневом восстает Толстой против официальной церкви, помогающей эксплуататорам обманывать и грабить народ, и заявляет в своем Дневнике, что для него немыслима возможность «покаяться» перед смертью и потому всё, что будут говорить о его «предсмертном покаянии и причащении — ложь» (Д, 22 января). Вместе с тем Толстой настойчиво повторяет и в произведениях этих лет, и в Дневнике мысль о необходимости религии как единственного истинного руководства в жизни. Он приходит, в силу ограниченности своего мировоззрения, к идеали-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 30.

стическому и реакционному выводу, что существование жестокого и несправедливого социального строя объясняется тем будто бы, что мысль, религиозное сознание не управляют жизнью многих людей (Д, 28 июля). Да и самое «безумие» социальной действительности воспринимается Толстым прежде всего в моральном, а не социально-политическом плане (см. в Дневнике запись от 1 января и др.).

Возмущенный бесчисленными казнями, ссылками революционеров, порабощением народа, Толстой записал 11 января в Дневнике: «Чувствую потребность что-то сделать... Готов на страдания, на унижения, только бы знать сам с собой, что делаю то, что должно». «Теперь или никогда — случай сказать не могу молчать» (Д, 23 ноября), — повторяет Толстой во многих записях Дневника, остро и горячо отзываясь на события современной ему политической жизни. В то же время писатель, отрицающий политическую борьбу, считает, что не надо «набивать голову» современностью (Д, 23 октября), необходимо отрешиться от материальных интересов, ибо главное в жизни — исполнение воли бога, служение ему. Пассивность, квиетизм, желание отстраниться от активной борьбы — эти наиболее слабые и реакционные стороны учения Толстого широко отражены во многих записях Дневника.

Толстой продолжает утверждать, что в каждом человеке заложено «божеское» начало, которое может и должно быть успешно развито, стоит только «сломить недоброту и виновность устройства жизни», устройства, при котором люди неизбежно живут безнравственной, эгоистической жизнью, «одним своим» и «глухи ко всему остальному». Но как сломить недоброе и несправедливое устройство жизни, он не знает, так как путь к отысканию подлинных средств борьбы с социальным злом преграждают писателю его идеалистические заблуждения. Именно идеалистическая позиция Толстого в разрешении основного философского вопроса — об отношении сознания к бытию — породила реакционно-утопическое учение о борьбе в человеке божественного, духовного и низменного, «животного» начала, как основном и единственно важном содержании жизни человека, и победе духовного, «христианского» над материальным, «низменным», как истинной цели, к достижению которой должен стремиться человек. С этой точки зрения постоянно регистрирует писатель в Дневнике итоги борьбы в себе бес-